

Общая. Помещаемся. —Ю.

Если найдёшь её, верни сложенной.

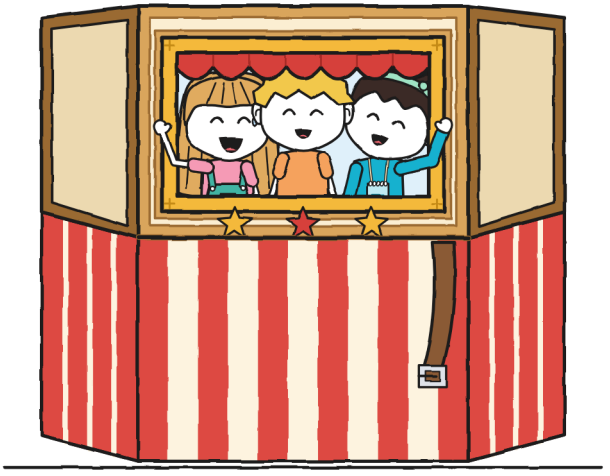

Эта печать означает то, что бывает только в сказке: настоящих драконов не существует, а посылки не прилетают обратно. Для настоящей переноски смотри последнюю страницу. —Ю.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 6

Место для троих

LinguAula

(тетрадь Гуни)

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 6

Место для троих

Шестая книга серии. Предыдущие: «Эта посылка кусается», «Не открывать до грома», «Верните, пожалуйста», «Не здесь, Крошка!» и «Один торт на двоих».

Текст и иллюстрации: LinguAula

Русская версия: LinguAula

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

Первое издание: 2026

© 2026 LinguAula · info@linguaula.com

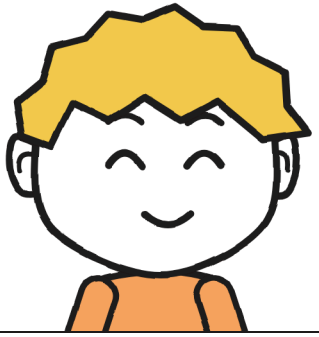
Можно свободно копировать — для класса и для дома.

Шрифты: Andika, Pangolin, Caveat и IBM Plex Mono (лицензия SIL OFL).

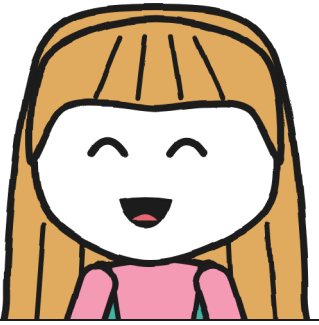
Занимайся по каждой главе на linguaula.com

Втроём. Ручку я выбрала. —Ю.

КТО ЕСТЬ КТО

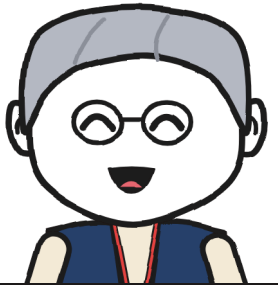
Гуни. Измеряет в сантиметрах. На этой неделе считает ещё кое-что.

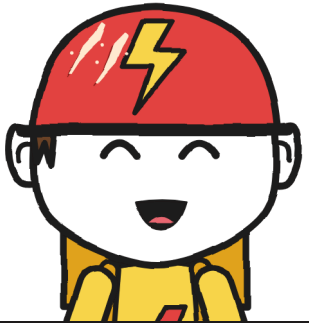
Юля. Знает дорогу. Объяснить её — другое дело.

Ноа. Давняя подруга Юли. Измеряет шагами: они всегда при ней.

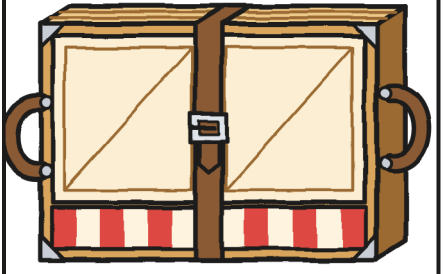
Ирена. Ведёт театральную мастерскую. Не говорит, куда идти: говорит «стоп».

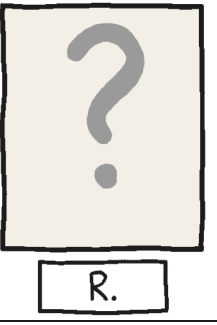
Тоньо. Из «МОЛНИИ» и из магазина. Засекает время и не высказывается. Почти.

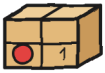
Мара. Одалживает посылку. Коробку не отдаёт.

No 6. Театр, который помещается в коробку. Если никто не держит ремень, раскрывается где хочет.

R. Отправитель. На этот раз в инвентарной книге осталась строчка.

ГЛАВА 1

Зачем нужны трое?

Пятая тетрадь закончилась двумя стрелками на циферблате, и я закрыл её так, не прося ни одну из них убраться. Законченная тетрадь остаётся такой, какой ты её оставил. В этом её достоинство: спорить с ней уже никто не может.

Шестая оранжевая. Оранжевая, как мандарин из тех, что чистятся целиком, если не торопиться, и в уголке у неё тоже печать магазина. Мара оставила её на прилавке, рядом с розовой, и ушла в подсобку расставлять коробки, которые и без того стояли в порядке. Мара не вручает тетради: она кладёт их туда, куда ты посмотришь.

Для первой страницы у меня есть традиция. Второй тетради я дал слово ОФИЦИАЛЬНАЯ, третьей — СЕКРЕТНАЯ, четвёртой — ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ, пятой — СПОКОЙНО. Четыре слова с замком, и все четыре Юля прочитала раньше всех, включая меня. В этот раз я искал слово, которое заранее на это рассчитывает.

Сверху я написал ТЕТРАДЬ ДОСТАВОК 6 · Гуни, как положено. А под этим — одно слово:

ОБЩАЯ.

И оставил полстраницы свободными, на всякий случай. На какой именно случай, я не знал. Узнал сразу: свободными они пробыли меньше минуты.

Юля стояла по ту сторону прилавка. Тетрадь она не просила: потянула её к себе одним пальцем, открыла зелёный фломастер и написала на свободной половине такими большими буквами, что дошла до поля, подумала и продолжила на поле. Потом закрыла фломастер с лицом «это не я» — а такое лицо в этом магазине теперь у всех.

Я поделилась первой страницей — своим почерком.
—Ю.

Я измерил, сколько она заняла: нижнюю половину, целиком. Моё слово со всем воздухом, который я вокруг него оставил, заняло верхнюю. Две половины. Мне показалось, что это очень разумное деление.

Как всегда, для тех, кто попал в эту тетрадь, не прочитав остальные. Магазин называется «Невозможные доставки», он принадлежит Маре, а она ведьма, носит фиолетовую шляпу и владеет печатью, которая при оттиске рассыпает искры с запахом погасшей свечи. На левой полке она хранит

возвращённые посылки: те, которые никто не сумел доставить, и все они присланы от R. Если получатель не распишется на этикетке чернилами, которые не стираются, на рассвете посылка прилетает обратно на свою полку. Их было двадцать. Мы с Юлей доставили пять: драконье яйцо, семена с ножками, колокольчик, набор для прибытия и подставку для пекарни Элии. На стене зелёными буквами написано ОСТАЛОСЬ 15. У Тоньо из «МОЛНИИ» есть своё место: перевёрнутый ящик рядом с табуретами. Пока что.

В понедельник, на следующий день после записки Элии, я вышел из школы и пошёл прямо в магазин. Юля ждала меня у прилавка с конвертом в руке. Он был не зелёный и не синий: других цветов конвертов я не знаю. Бирюзовый, и закрытый. Она держала его двумя пальцами за уголок, как будто он обжигал.

— Его принёс почтальон. Написано: «В магазин «Невозможные доставки»». Я его пока не открывала.

— Сколько уже не открываешь?

— Двадцать восемь минут, — сказал Тоньо из своего ящика, глядя на часы. — Рекорд района.

Шлем он надел прямо в магазине, с двумя полосками-когтями, а часы носил поверх рукава, чтобы не тратить время на закатывание.

Юлю я знаю. Закрытый конверт у неё в руках живёт ровно столько, сколько нужно, чтобы найти клапан. Двадцать

восемь минут — это не терпение. Это было что-то другое, и я не понял что.

Он был не мой. Чужие конверты весят втрое больше. —Ю.

Мара вскрыла его ногтем, не порвав лишней бумаги. Письмо было написано ясным взрослым почерком, из тех, что не загибаются в конце строки:

«Меня зовут Ирена, я руковожу театральной мастерской соседского центра. Обновляя инвентарную книгу, я нашла запись: „Складной театрик: ожидает получения“. Он у вас? В субботу, 31-го, районные состязания. Если театрик приедет сложенным к нам во двор, принесённый командой из троих, я подпишу его прямо там. В команде Ноа есть место для троих, а пока там только она.»

Ниже другим почерком, мелким и прямым, бирюзовым:

«Юля: это я! Теперь я занимаюсь театром. Приведи кого-нибудь, кто разбирается в посылках. —Ноа».

Юля прочитала подпись, и у неё приподнялся уголок рта, только один, как когда вспоминаешь то, о чём рассказывать не собираешься. Она тихо сказала «Ноа», так произносят название улицы, по которой ходили тысячу раз.

«Кого-нибудь, кто разбирается в посылках». Это был я. «В посылках» мне понравилось. «Кого-нибудь» — меньше.

В пять пришли они обе.

У Ирены были папка, тёмно-синий жилет с кучей карманов и свисток на шее. Волосы короткие, седые, очки круглые, и этими очками она обошла магазин полка за полкой, как человек, который делает инвентаризацию, хотя его об этом не просили. У Ноа — блокнот на шнурке и бирюзовый карандаш за ухом. Волосы — высокий пучок кудряшек, перехваченный мятно-зелёным платком; свитер бирюзовый, как конверт. Всё в ней было поставлено на место так, чтобы не пришлось искать.

Юля вышла из-за прилавка, не открывая дверцу, а под ней, и они обнялись. Обнимались так долго, что я успел засечь время: одиннадцать секунд. Я стоял в стороне, с тетрадью. Тетрадь тоже нужна для этого: чтобы было что держать в руках.

— Это Гуни, — сказала Юля. — Он разбирается в посылках.

— Привет, Гуни, который разбирается в посылках, — сказала Ноа. И записала моё имя в блокнот.

Записала целиком, вместе с «фамилией», которую только что мне дала. Со своего места я увидел, что я — вторая строка на странице. Первая была «Юля», и под ней была черта, как под тем, что уже сделано.

Мара встала на синий табурет и сняла с полки № 6. Коробка как все: не больше и не меньше. На этикетке пять машинописных строк: № 6. МАСТЕРСКАЯ ВО ДВОРЕ. ВХОД ЧЕРЕЗ ДВЕ ДВЕРИ. ДОСТАВЛЯТЬ СЛОЖЕННЫМ. А внизу, как

всегда, ОТПРАВИТЕЛЬ: R. Вокруг — девять печатей ВОЗВРАЩЕНО.

— Девять печатей, — сказала Юля.

— «Две двери», — прочитала Ноа. — Какие две двери?

Ирена не знала. Мара — тоже. Я записал это со знаком вопроса: так я записываю то, чего не знаю, чтобы осталось видно, что я это заметил.

— Я носила её девять раз, — сказала Мара. — По понедельникам мне открывали швеи. По средам — хор. По пятницам — шахматисты. «Мастерская? Это не здесь.» За мастерскую никто не расписывался.

Я нарисовал это, пока она говорила, тремя картинками: Мара с коробкой под мышкой перед одной и той же дверью, а в двери по очереди игла с ниткой, музыкальная нота и шахматный конь, который ничего не говорил, потому что в шахматах молчат. Ниже — коробка влетает в окно магазина на рассвете. Девять раз.

— Театр репетирует во дворе, — сказала Ирена. — А во дворе нет звонка.

Она раскрыла папку и показала Маре лист с печатью центра. Мара читала его, поднеся нос совсем близко, — так она читает то, что собирается принять всерьёз.

— Теперь это есть в журнале: «Театральная мастерская. Руководитель: Ирена». За мастерскую теперь есть кому расписаться.

— Раз есть кому расписаться, пусть Мара отнесёт его в коробке, как подставку Элии, — сказала Юля.

— Я носила его так девять раз, — сказала Мара. — Теперь условия ставит получатель.

— Театрик нужен для площадей, — сказала Ирена. — Мои ребята должны справиться с ним на улице. Не справятся — мне он не подойдёт. А я не расписываюсь за то, что мне не подходит.

— Это я уже слышала в одной пекарне, — сказала Мара.

У меня был вопрос с тех пор, как я прочитал письмо, и я задал его, пока он не истёрся.

— А зачем нужны трое?

Я спросил по-настоящему. Свёрток с двумя ручками; два человека, по одному на ручку. Я пересчитал на пальцах, и у меня выходило двое.

Никто не засмеялся. Ирена посмотрела на меня поверх очков, как смотрят на деталь, которая подходит лучше, чем казалось.

— Хороший вопрос. Во вторник, во дворе, вы мне на него ответите.

Мара раскрыла свою книгу и записала условия. Условия Мары всегда умещаются в одну руку; я пересчитал их на своей, и большой палец остался лишним:

- № 6: одолжен для репетиций.
- Выходит с Иреной или со мной.
- Возвращается сложенным.
- Ночует здесь.

Этикетка остаётся в коробке, а коробка — у Мары.

Если он ночует на своей полке, утром ему некуда возвращаться. Он всё ещё на девяти печатях. Я спросила. —Ю.

Во вторник мы пошли во двор соседского центра. С тротуара входишь через железную калитку с множеством

слоёв краски, которая закрывается сама: отпускаешь её, и она медленно возвращается до щелчка, как собака, которая садится без команды.

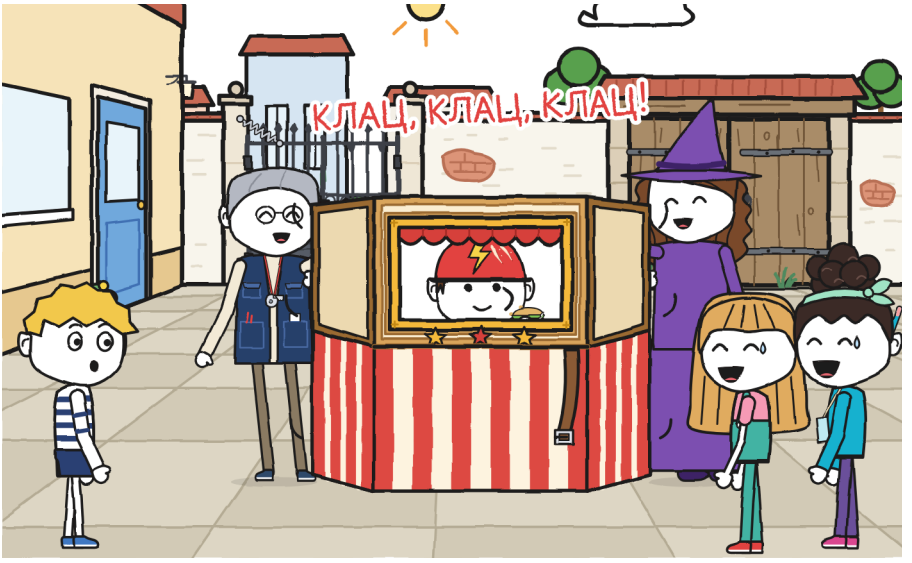
Мара поставила коробку на землю и сняла крышку. Выйдя, театрик вырос, как подставка Элии. Я больше не пугаюсь: достаю рулетку.

Закрытый, он был плоским свёртком из деревянных панелей и ткани, с ручкой с каждой стороны и ремнём, продетым в пряжку с тремя дырками. Метр на семьдесят сантиметров и, на ребре, одна ладонь. Калитка с открытой створкой — девяносто сантиметров. На ребре он помещался в калитку. Это было самое простое.

Прежде всего Ирена захотела проверить, цел ли он. Она отпустила ремень и повернула свёрток. Панели раскрылись сами, под собственной тяжестью, одна за другой: клац, клац, клац. Сцена с тремя стенами, коротким занавесом и окном в раме на задней панели.

В окне был виден Тоньо, который шёл по тротуару с бутербродом. Рот у него был набит. Поздороваться он не смог. Он на мгновение застыл в рамке, в шлеме, с одной щекой толще другой, как портрет какой-нибудь важной особы, написанный в обеденное время.

— Цел, — сказала Ирена. — Правило мастерской: руки на ручках. На шарнирах — никогда. А на поворотах кто-нибудь держит ремень.

Я записал это дословно.

Ирена и Мара сложили его и застегнули ремень.

— Попробуем мы, — сказала Юля. Ноа уже стояла у второй ручки.

Они не переглядывались, чтобы решить. Даже не говорили об этом: каждая пошла на свою сторону, как идут на привычный стул.

Они сосчитали до трёх и подняли. Смогли. Прошли круг по двору, не спеша, чуть расставив локти, и театрик плыл между ними, не раскачиваясь, как хорошо несомый поднос. Дошли до калитки. Калитка была закрыта.

Юля посмотрела на неё. Ноа посмотрела на неё. У них было четыре руки, и все четыре заняты.

Я стоял в двух метрах: обе мои руки свободны, и тетрадь.

Ирена, в глубине двора, с папкой, прижатой к груди, молчала. Ни «помоги им», ни «ты».

Я придержал калитку спиной. Они прошли. Ирена что-то записала в папку.

В тот вечер я придумал прибор этой тетради. Он пятый в моей карьере, после дрожеметра, краснометра, тутометра и шумомера, и первый, который измеряет не одного человека, а сразу нескольких. Я назвал его ТРОЙКОМЕР, «кто что делает на каждом участке». Одна строка на участок и три клетки, у каждой свой рисуночек:

- НЕСТИ: две руки на двух ручках.
- НАПРАВЛЯТЬ: говорить, куда и когда.
- РАСЧИЩАТЬ ПУТЬ: двери, бордюры, люди.

В первой строке, «двор, первая попытка», я записал «Юля и Ноа», «Юля и Ноа» и пустую клетку. Во второй, «двор, вторая попытка», то же самое, но в третьей клетке написал «Гуни».

Два повторяющихся имени и пустая клетка: не проходит. С заполненной клеткой — проходит. Ответ для Ирены у меня уже был, и он был мой.

И я записал ещё кое-что, поменьше: «Калитку может удержать и камень».

Я написал это, почти не нажимая на карандаш.

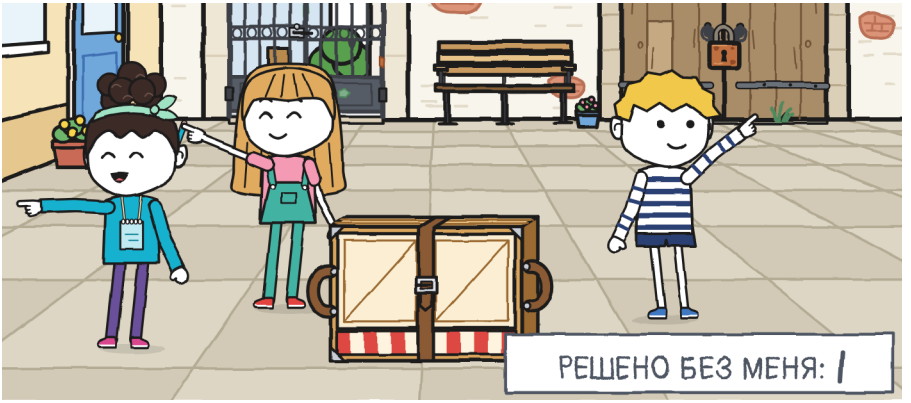
Оставалось понять этикетку.

— Две двери — это две створки калитки, — сказала Юля.

— Откроем обе, — сказала Ноа.

— Сначала можно было бы измерить ограду снаружи, — сказал я.

Мы показали одновременно. Юля — на калитку. Ноа — на зал мастерской. Я — на улицу.

— Потом, — сказали обе.

Сказали одновременно и с одной и той же музыкой, как будто репетировали. Наверное, репетировали. Годами.

Пошёл я один. Вышел через калитку, которая закрылась за мной со своим щелчком, и обошёл ограду, измеряя рулеткой,

участок за участком, записывая каждое число в тетрадь, опёртую о колено. Ограда была длинная и выходила в переулок с запахом стоячей воды. И там, за поворотом, я нашёл одну вещь.

Я вернулся быстро, с этой вещью в голове и с неубранной рулеткой, волоча по тротуару метр жёлтого. Когда я вошёл, Юля и Ноа смеялись над чем-то из времён до меня. Они смеялись плечами, без звука, и Ноа касалась руки Юли, чтобы та перестала, а Юля не переставала.

Я открыл рот.

— Уже решено, Гуни, — сказала Юля. — Это две створки.

В нижнем углу страницы, мелко, карандашом, я написал: РЕШЕНО БЕЗ МЕНЯ. И рядом — чёрточку. Я писал это с ещё открытым ртом.

Я закрыл рот. И тетрадь.

Эту чёрточку я увидела через два дня. Она была моя. —Ю.

ОДНА ИСТОРИЯ, ШЕСТЬ РАЗМЕРОВ

Эта книга существует в шести размерах, для детей от 3 до 16 лет, и больше чем на 20 языках. XXS, XS, S, M и L рассказывают историю страница за страницей, на тех же рисунках и со всё большим числом оттенков. XL — это роман: та же история, в которой есть место для всего, что Гуни думает, но не говорит.

Уровни CEFR указаны приблизительно: XXS, pre-A1 · XS, A1 · S, A2 · M, B1 · L, B2 · XL, B2–C1.

Каждый в своём размере. Один и тот же театрик.
—Ю.

ДЛЯ СЕМЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

Занимайся по каждой главе на linguaula.com (с заданиями размера L)